

Ульянова С.Б., профессор
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого

Девиантный досуг горожан в революционной России

(1917—1921 гг.)*

В современной историографии распространено утверждение о том, что Великая российская революция стала периодом одичания и распространения девиантных форм поведения: «Всякая революция — как и любая экстремальная ситуация — обнажает крайние стороны человеческой природы. Наряду с выявлением лучших людских качеств революция демонстрирует всю гамму психопатологии массового сознания»¹. Применительно к истории досуга – относительно новой области исторической науки – это означает, что в революционный период должны были получить большее распространение асоциальные и нетрадиционные формы свободного времяпрепровождения.

Девиантное поведение, не принимаемое обществом или законом, существует в любом социуме². В историографии обычно девиантный досуг рассматривается в контексте борьбы с пьянством, проституцией, наркоманией и т.п. Но изучение этих явлений именно как досуга, т.е. отдыха (*recreation*), развлечения (*entertainment*) или свободного времяпрепровождения (*pastime*) позволяет расширить наши представления о границах допустимого в революционном обществе, о характере массовой революционной культуры. Девиантный досуг может быть понят и как способ сопротивления, точно так же как хорошо знакомое специалистам по производственной повседневности явление *Eigensinn* (нем. – «своеволие»),

* Доклад подготовлен при поддержке РФФИ (проект № 16-31-00017).

т.е. несанкционированные перерывы в работе, «валяние дурака», мелкие кражи и т.п., которые позволяли рабочим найти ниши в фабричной дисциплине для самоутверждения³.

В работах социологов была обоснована идея о досуге как способе сопротивления доминирующей идеологии, например, со стороны различных маргинальных групп, представители которых не хотят подстраиваться под узкие социальные сценарии⁴. Р. Стеббинс произвел разделение девиантного досуга на «случайный / несерьезный» (*casual deviant leisure*) и «серьезный» (*serious deviant leisure*)⁵. Если к первому он относит способы рекреации, не требующие изменений общепринятого образа жизни и преследующие цель получить удовольствие, то «серьезный» девиантный досуг означает абберрации в области религии, политики и науки, меняющие личность, взгляд на мир, систему ценностей. К. Роджек обозначил девиантный досуг как оппозицию «нормальной» культуре, неизменно привлекательную для человека⁶.

Исследование досуга, в том числе девиантного, способствует пониманию системы ценностей, жизненных установок, самоидентификации индивида, того, что можно назвать стилем мировосприятия. Оно помогает провести разграничение «свой/чужой», сформировав законченный образ союзника или врага. Данное замечание нам представляется весьма ценным, учитывая высочайшую степень государственного и общественного заказа на образ чужого, как в настоящем, так и в прошлом. Применительно к досугу речь идет, прежде всего, о групповой идентичности, дающей ощущение включенности, культурной стабильности, возможности сопротивления психосоциальным кризисам. Впечатления, полученные в ходе досуговых практик, трансформируясь в идеи, установки, стереотипы, способны стать регуляторами личного поведения и общения человека.

Границы девиантного досуга подвижны, его формы изменчивы. Так, например, в 1920-е гг. в сферу девиантного досуга вытесняется религиозная деятельность. На одну доску властью были поставлены религиозные обряды

и пьянство, употребление наркотиков, азартные игры. Приравнение религиозных практик к девиантному досугу – это умелый пропагандистский ход, эффективность которого подкреплялась действительно имевшей место практикой неумеренного потребления алкоголя в праздничные дни.

С другой стороны, участие в революционных действиях – митингах, демонстрациях и пр. – в начальный период революции (февраль—март 1917 г.) тоже может быть истолковано как нетрадиционная форма досуга. Не случайно, многие авторы отмечают, что революция поначалу воспринималась как праздник⁷.

До революции определенные формы девиантного досуга были свойственны всем слоям городского населения, но их распространение сдерживалось властью, администрацией предприятий и учреждений, профессиональными корпорациями. В то же время, неумеренное потребление алкоголя в определенные дни, драки «стенка на стенку», обращение к услугам проституток считались простительными, особенно для молодых несемейных мужчин. Преследовались властью только те формы девиантного досуга, которые были связаны с политической активностью (маевки, демонстрации и т.п.) или угрожали общественному порядку.

Определенные виды девиантного досуга сохранялись в городском сообществе в силу традиционности. Прежде всего, речь идет о пьянстве. Известно, как сильно и подолгу пили купцы. Закоренелыми пьяницами нередко становились и аристократы. Случалось, что представители интеллигенции также заканчивали свою карьеру в кабаках⁸.

Неумеренное потребление алкоголя было свойственно и рабочему классу. «Магарыч», «замочка машин», «спрыск получки» и т.п. обязательно сопровождалось совместным распитием спиртных напитков. По мнению Н.С. Полищук, широкому распространению пьянства среди рабочих, наряду с низким уровнем общей культуры, тяжелыми жилищными условиями, малой доступностью «культурных» развлечений, способствовало избыточное предложение спиртного⁹. С пьянством, по общему представлению, было

тесно связано и пришедшее из деревни в город хулиганство. Стоит отметить, что обе эти формы девиантного досуга играли важную коммуникативную роль: помогали устанавливать внутривзаводскую и казарменную иерархию, сплачивали трудо-бытовые коллективы, способствовали разрешению конфликтов, канализировали молодежную агрессию.

В годы мировой войны власть пыталась проводить политику «сухого закона». С 1 ноября в Москве и с 17 декабря 1914 года в Петрограде действовал абсолютный сухой закон, запрещающий продажу для питья всех видов алкогольных напитков. В столицах действовали также особые условия отпуска спиртосодержащих веществ для надобностей, не связанных с потреблением внутрь, и меры предупреждения и пресечения правонарушений в области производства, питейной торговли и потребления¹⁰.

По мнению О.А. Чагадаевой, запретительные меры действовали как сдерживающий фактор только на фоне мощного патриотического подъема и были вызваны осознанием массами необходимости воздержания во благо отечества. Примерно к осени 1915 года в настроениях горожан начинает преобладать усталость от войны, недоверие к власти, вызванное просчетами и неудачами русской армии, что сопровождалось ростом нарушений обязательных постановлений, развитием черного рынка, усилением пьянства¹¹.

Примечательно, что знаменитое постановление СНК РСФСР от 19 декабря 1919 года «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» никак не упоминало о необходимости запретительных мер в связи с угрожающим обществу размахом пьянства среди населения. За распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные должны были

подвергаться лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года. Однако, в целом текст постановления демонстрирует заботу о сохранении производства крепкого алкоголя в руках государства, и только¹². В этот «героический» период революции пьянство рассматривалось как старорежимный пережиток, который исчезнет, как только будут устранены социальные условия, способствовавшие ему.

Впрочем, в период гражданской войны алкоголизм действительно не представлял из себя серьезной проблемы в силу резкого сокращения его материальной базы. Количество пьяных и проституток снизилось, но не потому что власти проводили запретительную политику по отношению к «буржуазным пережиткам», а потому что изменились условия физического существования людей в городе. Если горожанин не хотел медленной смерти от голода, он должен был искать возможности к самоснабжению продовольствием. Каждый рабочий прогуливал, по данным С.Г. Струмилина, в среднем не менее трех месяцев в году, посвящая это время нелегальным рыночным операциям¹³. Основная масса прогулов приходилась на начало и конец недели – рабочие, совмещая прогульные дни с выходными, уезжали в деревню чтобы запастись продуктами питания. Голодные люди бежали из городов в сельские районы. Досуг, связанный с потреблением алкоголя, оказывался слишком затратным. По наблюдению С.И. Аничковой, в 1919—1920 гг. пьяные совершенно исчезли с улиц Петрограда¹⁴.

Во многом потребление алкоголя было заменено потреблением наркотиков. То, что до революции являлось привычкой аристократии, богемы и полусвета, в годы революции и, особенно, гражданской войны получило массовое распространение.

В последние годы история борьбы с наркоманией привлекает историков¹⁵, но мы обратим внимание на такой аспект как потребление наркотиков в контексте досуговой культуры. И курение опиума или гашиша, и употребление кокаина зачастую осуществлялось совместно, в компании, как раньше совместно распивались спиртные напитки. В досуговом

пространстве городов появляются места, предназначенные для этого вида времяпрепровождения. С. Панин приводит свидетельство современника о том, что «на одном из кораблей Балтийского флота в разгар революционных событий был раскрыт "клуб морфинистов". Его членами были вполне "революционные" матросы, не только организованно проводившие "заседания" и приобретающие наркотики, но даже вербовавшие новых членов для своего клуба»¹⁶. Революционные матросы ввели в обиход и выражение «балтийский чай»: раствор кокаина в этиловом спирте или другом крепком алкоголе, продлевавший и усиливавший наркотический эффект.

Борис Пильняк в повести «Иван Москва» писал: «В притонах Цветного бульвара, Страстной площади, Тверских-Ямских, Смоленского рынка, Серпуховской, Таганки, Сокольников, Петровского парка - или просто в притонах на тайных квартирах, в китайских прачечных, в цыганских чайных - собирались люди, чтобы пить алкоголь, курить анашу и опий, нюхать эфир и кокаин, коллективно впрыскивать себе морфий и совокупляться»¹⁷.

Медицинские и социальные последствия такого «наркотического» досуга были настолько серьезными, что их стоит рассматривать не столько в контексте праздного времяпрепровождения или физиологической рекреации, сколько в связи с сопротивлением доминирующей идеологии, демонстрацией своеволия. С другой стороны, в досуговом употреблении наркотиков заметны черты социального эскапизма, что сближает его с характерным для послереволюционной России увлечением азартными играми.

С.И. Аничкова в своих мемуарах отмечает, что азартные игры были сродни наркотикам, объединяли людей разного социального положения¹⁸. Эта форма девиантного досуга после революции выплеснулась на улицы. Азартные карточные игры проникли в солдатскую среду, в которой ранее они были запрещены¹⁹. После октября 1917 года, несмотря на репрессивную политику большевиков, игра в карты и др. формы приобщения к миру азарта продолжалась.

Анонимное письмо во ВЦИК (19 декабря 1917 г.) призывало: «Спасите наших братьев от разорения, а их матерей, жен и детей от вечных слез и нищеты. Закройте все миллиарды, эту тысячеглавую гидру, пожирающую все заработки трудящихся и обогащающую только трактирщика да шулеров. Царские чиновники видели в разорении народа свое благополучие, а Вы, товарищи, наши отцы и братья, раз навсегда закройте эти грабильники»²⁰.

Вместе с тем, некий гражданин И.Н. Давыдов предложил ВСНХ проект выкачивания денег из карманов «паразитов», спекулянтов, которые «живут вовсю, от массы свободного времени сидят в Ресторанах и Кафе, пьют и едят за десятерых, платят за все бешеные деньги и тем самым заставляют рестораторов запрещенными способами добывать провизию и преподносить под пикантными соусами обжорам буржуям.

В рабочих кварталах нет мяса, масла и хлеба, а в ресторанах всего в досталь, рабочему же трудовому человеку ресторанные цены не по карману». Проект заключался в организации бегов с тотализатором²¹.

Увлечение азартными играми показывает, что распространение девиантных форм досуга было связано в годы революции и гражданской войны, среди прочего, с неустойчивостью существования, пониманием того, что жизнь может оборваться в любой момент, что нет прочных связей, распадаются семьи и т.п.

Досуговая культура, характерная для индустриального общества, начала активно формироваться в России на рубеже XIX и XX вв. Можно предположить, что власть, столкнувшись с новыми формами свободного времяпрепровождения городского населения (в том числе и девиантными), не успела выработать четкой политики по отношению к ним. В то же время в различных слоях городского населения (прежде всего, в пролетарской среде) еще не сложились устойчивые формы культурного досуга, что и обусловило преобладание девиантных форм использования свободного времени.

Общая радикализация в период революции и гражданской войны привела к коренным изменениям в повседневной жизни советского человека, обусловила, среди прочего, модификацию досуговых моделей и практик. Однако, можно утверждать, что в 1917—1921 гг. не произошло качественного скачка в распространении девиантных форм досуга. Произошло лишь некоторое перераспределение времени между различными видами асоциального поведения, упрощение потребляемых ресурсов и изменение городской топографии девиантного досуга.

Удивительно, насколько быстро после гражданской войны и введения новой экономической политики, несмотря на декларируемую властями борьбу с различными «социальными язвами» и «буржуазными пережитками», городское сообщество вернулось к традиционным видам девиантного досуга – услугам проституток, игорным домам, бегам, алкоголю. Сценарии девиантного досуга, распространенные или ассоциировавшиеся, прежде всего, с нэпманами, перенимались и новой элитой. Советские чиновники, лишённые собственной корпоративной культурной традиции, охотно копировали досуговое поведение нэпманов, которые представлялись им теми, кто по-настоящему «умеет жить красиво».

¹ Волобуев П.В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П.В. Волобуев, В.П. Булдаков // Вопросы истории. 1996. № 5—6. С. 35.

² См., напр.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб., 1999. С. 20—119.

³ Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? М., 1996. С. 77.

⁴ Resistance through ritual: youth subcultures in post-war Britain / Hall S., Jefferson T. (eds.). London, 1976; Spracklen K., Spracklen B. Pagans and Satan and Goths, oh my: dark leisure as communicative agency and communal identity on the fringes of the modern Goth scene // World Leisure Journal. 2012. Vol. 54, № 4. P. 350-362; Williams D.J. Deviant leisure: rethinking “the good, the bad, and the ugly” // Leisure sciences. 2009. Vol. 31. P. 2010.

-
- ⁵ Stebbins R.A. Casual leisure: a conceptual statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. P. 22.
- ⁶ Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. P. 393
- ⁷ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 762—764.
- ⁸ Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005. С. 488.
- ⁹ Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX вв.) // *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г.* СПб., 1997. С. 116—118, 122.
- ¹⁰ Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914—1917 гг. // *Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума)*. СПб., 1999. С. 147—159.
- ¹¹ Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы). М., 2013. С. 29.
- ¹² <http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-dejatelnost/promyshlennost/27/postanovlenie-snk-rsfsr-ot-19-12-1919.html> (дата обращения 12.03.2017).
- ¹³ Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М., 1923. С. 46.
- ¹⁴ Аничкова С.И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 155.
- ¹⁵ Васильев П.А. Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. Вып. 3. Т. 4. С. 35—42.
- ¹⁶ Панин С. Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917– 1920-е годы) // *Вопросы истории*. 2003. № 8. С. 129–134. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/802> (дата обращения 12.03.2017).
- ¹⁷ Пильняк Б. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М., 2003. С. 37.
- ¹⁸ Аничкова С.И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 162—163.
- ¹⁹ Чистиков А.Н. Государство против карточной игры // *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы*. СПб., 2000. С. 301.
- ²⁰ Письма во власть. 1917—1927. М., 1998. С. 29.
- ²¹ Там же. С. 44—45.